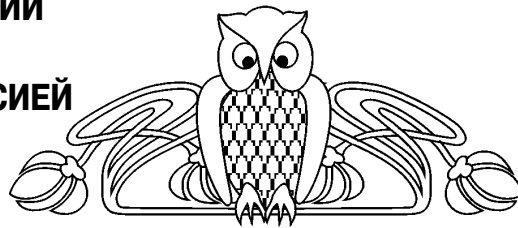

УДК 94(47).084.1:354:343.101

ПРОБЛЕМА ЮРИДИЧЕСКОЙ КВАЛИФИКАЦИИ ПРАВОНАРУШЕНИЙ, ВЫЯВЛЕННЫХ ЧРЕЗВЫЧАЙНОЙ СЛЕДСТВЕННОЙ КОМИССИЕЙ ВРЕМЕННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА В МИНИСТЕРСТВЕ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ ЦАРСКОЙ РОССИИ

Ю.В. Варфоломеев

Саратовский государственный университет
E-mail: ybartho@mail.ru

В статье исследуется проблема юридической квалификации правонарушений в министерстве внутренних дел царской России, выявленных Чрезвычайной следственной комиссией Временного правительства. Комиссией было принято решение привлечь руководителей Департамента полиции МВД, ответственных за организацию провокаторской деятельности, как за должностное преступление – превышение власти.

Ключевые слова: юридическая квалификация, провокация, Чрезвычайная следственная комиссия, Министерство внутренних дел, царская Россия.

Problem of Legal Qualification of Offences Revealed by Extraordinary Committee of Investigation of Temporary Government in the Ministry of Internal Affairs of Imperial Russia

Yu. V. Varfolomeev

In the article is considered the problem of legal qualification of offences in the Ministry of Internal Affairs of imperial Russia, revealed by Extraordinary Committee of investigation of Temporary Government is investigated. The commission the decision to involve heads of Department of police of the Ministries of Internal Affairs responsible for the organization provocation of activity, as for malfeasance – excess of authority was accepted.

Key words: legal qualification, provocation, Extraordinary Committee of investigation, Ministry of Internal Affairs, imperial Russia.

Существование системы провокации внутри российских спецслужб и оппозиционных движений было документально подтверждено в ходе расследования и не вызывало сомнений у членов комиссии. Однако обозначилась проблема юридической квалификации выявленных в Министерстве юстиции и Министерстве внутренних дел правонарушений. Прежде всего, это было связано с противоречивой и неоднозначной природой такого сложного явления, каким является провокация. В ходе следствия допрашиваемые руководители тайной полиции долго и упорно открещивались от признания методов своей работы преступными. То, что практиковалось в их ведомстве, они предпочитали или не связывать с понятием «провокация», или считали эти действия вынужденными.

Так, например, А.В. Герасимов признавал, что с точки зрения закона участие агентуры в революционном движении было преступным, «но это была необходимость – необходимость, требуемая Министерством внутренних дел»¹. В конечном итоге и С.П. Белецкий, и С.Е. Виссарионов, и другие все-таки признали справедливость обвинений в том, что в их ведомстве провокация допускалась и поощрялась². А поначалу тот же самый Белецкий не устал повторять: «Когда я был директором департамента полиции, с провокацией все мы боролись до крайности»³.

На уязвимость таких объяснений обратил внимание И.С. Розенталь. Руководители полицейских учреждений «...вначале пытались уверять, что использовали только осведомителей, принципиально противясь провокации. Они не были при этом оригинальны, – напоминает историк, – такую позицию официально защищал П.А. Столыпин, когда 11 февраля 1909 г. в III Государственной думе обсуждался запрос об Е. Азефе: в качестве министра внутренних дел Столыпин взял его под защиту, отрицая факт провокаторства. Впоследствии подобным же образом изобразил свою и Азефа деятельность его руководитель А.В. Герасимов, заявивший, что “никогда не был обманут” Азефом, “а о провокации даже говорить не приходится”»⁴.

Эту позицию упорно отстаивали и остальные руководители министерства внутренних дел. Так, например, на вопрос председателя, обращенный к В.Ф. Джунковскому, не считал ли он преступлением сам факт участия агентов «в революционном сообществе», последний ответил отрицательно: «Я считал это не провокацией, а шпионажем»⁵. Провокацией он считал только такие случаи, когда агенты сами участвовали в совершении преступлений. В связи с этим И.С. Розенталь справедливо заметил, что для идентификации провокации «необходимо конкретно рассматривать поведение каждого агента, чтобы убедиться, был ли он провокатором или же всего лишь “наблюдал и передавал информацию”»⁶. Необычную точку зрения на то, что считать провокацией, высказал и Виссарионов. «*Не подстрекать, а наблюдать* – вот что они думали! – уловил его оригинальную трактовку провокации Блок. – Созерцание законно, а действие противозаконно. Система. Раз поддерживается этой системой строй, то нельзя входить в такую детальную критику

ку этой системы»⁷, – так рассуждал Виссарионов. Опровергнуть казуистические доводы опытных полицейских генералов юридически было очень трудно. Обратив на это внимание, А.Я. Аврех впервые даже обосновал мысль о юридической неуязвимости позиций сотрудников министерства внутренних дел⁸.

Характерную терминологическую путаницу, заключенную в проблеме провокации, исследовала американский историк А. Гейфман, резонно отметив, что необоснованно называть всякого полицейского агента провокатором⁹. Действительно, между действиями агента и провокатора всегда существовала тонкая, невидимая грань. Даже пресловутая полицейская инструкция рекомендовала не переходить «весьма тонкую черту», отделяющую «сотрудничество» как осведомительную деятельность от провокаторства¹⁰. Правда, инструкция не объясняла, каким образом это можно было бы соблюсти. Задумываясь над этой коллизией и абстрагируясь от юридического смысла термина «провокация», И.С. Розенталь аргументированно поставил ряд вопросов по поводу этой «терминологической путаницы»: «...Возможно ли было в изучаемую эпоху, с учетом реальной эволюции режима, остаться только осведомителем, действуя в границах, предписанных департаментом полиции? Случайно или намеренно эти границы были и оставались нечеткими? Иными словами, случайно ли возникла “терминологическая путаница”?»¹¹.

Отвечая на эти вопросы, следует отметить, что в материалах Комиссии, в частности в показаниях руководителей полицейского ведомства, содержатся свидетельства, подтверждающие то, что рамки провокации были намеренно размыты для того, чтобы любой агент имел возможность своеобразного маневра в той или иной ситуации. Кроме того, в охране понимали и допускали, что оставаться только осведомителем агенту не всегда удастся, и в таких случаях его скатывание к провокации становилось неизбежным. Бывший начальник особого отдела департамента полиции И.П. Васильев признавал, что руководители ведомства проявляли к фактам провокации «снисходительное отношение» или «молчаливое попустительство»¹².

В конечном итоге перед ЧСК встала непроясненная задача юридической квалификации деяний, обозначенных как провокаторская деятельность. Дело осложнялось двумя обстоятельствами: существованием закона об амнистии за политические преступления¹³ и законом о сроке давности. Возникла парадоксальная ситуация: амнистия, принятая Временным правительством, не только освободила революционеров от ответственности за преступления, совершенные ими в борьбе с царизмом, но и покрыла одновременно с этим преступления, совершенные правительственными агентами против революционеров.

В этом, конечно, неожиданно проявилась некая высшая справедливость, уравнивавшая противников, сражавшихся по обе стороны баррикад. Но для ЧСК данное решение стало дополнительным препятствием в деле придания провокаторов суду. В связи с этим П.Е. Щеголев привел, как он выразился, «классический пример», когда «жандармский полковник с ведома директора Департамента полиции устраивает побег осужденному на каторжные работы революционеру, завербованному им в секретные сотрудники. Казалось бы, вот случай, когда можно предать и того и другого суду за устройство побега по статье, довольно сурово карающей, – справедливо предполагает член Комиссии, – но преступники, подводимые под эту статью, уже амнистированы. Связывал действия комиссии и закон о давности»¹⁴.

По этому поводу С.В. Завадский вспоминал, что Н.К. Муравьев был всерьез озабочен возникшей проблемой и «...повторял, что провокаторы не должны остаться безнаказанными, а потому нужно найти статью закона, по которой их можно было бы судить, не взирая на амнистию»¹⁵. Такой статьей закона могла стать ответственность за должностные преступления, которые не подпали под амнистию. Отсюда и возникла мысль предавать провокаторов суду за превышение власти. Мысль эту поддержал и сенатор О.О. Грузенберг. Безусловно, в этом подходе председателя Комиссии просматривалась натянутость и юридическая неточность обвинения, но другого выхода для того, чтобы не оставить провокаторов безнаказанными, у ЧСК не оставалось. Зыбкость и некорректность подобного подхода была легко развенчана «законником» С.В. Завадским. «В мою голову такая концепция решительно не вмещалась. Прежде всего, какие же должностные лица провокаторы? А потом, если они должностные лица, то значит, служебные обязанности их исчерпывались этой самой провокацией; следовательно, не занимаясь ею, они впадали в бездействие власти. Каким же образом возможно усмотреть превышение власти в отправлении служебных обязанностей? Ведь между превышением и бездействием власти есть у каждого должностного лица законное несение своей службы. Куда же оно девалось у провокаторов?»¹⁶ – осыпал он градом аргументированных возражений и вопросов председателя и сторонников этой позиции.

Вопрос о «юридическом статусе» явления провокации впервые в русской литературе был поднят еще в середине XIX в. Но, к сожалению, и тогда, и теперь «подавляющее большинство авторов разнообразных сочинений о провокации юридический аспект темы практически игнорируют, – справедливо отмечает Л.В. Жукова. – Вместо четких и ясных формулировок степени законности (или незаконности) этого способа борьбы с революцией они, как правило, используют лишь предельно эмоциональные, но мало что проясняющие по сути характеристики: “грязный”,

“отвратительный”, “подло-жестокый”, “растление изнутри”, “ядовитый цветок” и прочее»¹⁷.

Между тем изучение этой проблемы на протяжении второй половины XIX и начала XX в. дало ощутимые результаты¹⁸, которые могли бы иметь принципиальное практическое значение. Однако, квалифицировав полицейского агента-provokatora как подстрекателя, юристы в то же время сделали ряд оговорок. В итоге получалось, что выводы правоведов не противоречили инструкции для начальников розыскных (охранных) отделений. Тем не менее важную роль при формировании доказательной базы по уголовной ответственности provokatorov сыграло понятие «косвенного умысла», незадолго до этого досконально разработанное И.Я. Хейфецем¹⁹. Но юристы-«техники» ЧСК, к сожалению, не воспользовались этими теоретическими разработками, чтобы безукоризненно обосновать обвинения в преступном характере деятельности provokatorov.

В Комиссии после долгих дебатов о юридической квалификации provokatsii восторжествовала точка зрения Муравьева и Грузенберга. Завадский же остался в оппозиции – при своем мнении: «Я чувствовал, что мое брезгливое отношение к provokatsii не ослепляет меня до степени желанья “натянуть закон”, и волновался, оберегая не provokatorov, а правовой порядок и судебную беспристрастие»²⁰. В конечном итоге соответствующее постановление Комиссии в виде циркуляра всем окружным судам все-таки было подготовлено. Но по действовавшему законодательству право объединять судебную практику руководящими указаниями было предоставлено только Сенату. В этой истории Завадский увидел «... роковое сходство с Щегловитовскими приемами. <...> как приняли судьи и следователи наш циркуляр о provokatorax, я не имею сведений, но самый факт посылки такого циркуляра есть, по моему, “щегловитовская” узурпация сенатской власти»²¹. Может быть, его сравнение с «щегловитовскими» приемами и «узурпацией сенатской власти» в данном случае и преувеличено, но вместе с тем следует признать справедливость критической мотивации Завадского по вопросу юридической квалификации придания provokatorov суду.

В то же время, опираясь на выводы Завадского, А.Я. Аврех считал, что «...главная причина провала расчетов на разоблачение “provokatsii” как идейного оружия ликвидации старого режима состояла не в юридической неубедительности, а в несостоятельности самого расчета. Провал затеи был обусловлен ее откровенно контрреволюционным характером, тем, что она была направлена против большевиков»; и, далее, об «истинных» целях изобличения provokatorstva: «В отличие от других расследований, где политический эффект ожидался в будущем (Учредительное собрание), “provokatsia” сразу же была пущена

в ход. Под видом борьбы с “provokatorami” с первых же послефевральских дней буржуазной и “социалистической” прессой была развязана настоящая provokatorская кампания против большевиков»²².

Советскому историку, конечно же, не понравилось пристальное внимание Комиссии к делу выдающегося provokatora, двойного агента – большевика Р.В. Малиновского. Другими словами, тема о большевиках-provokatorax должна была остаться неприкосновенной или, по крайней мере, трактоваться как досадное недоразумение, так как априори их деятельность всегда была чиста и не могла быть ничем и никем запятнана. Тем более что при расследовании дела Малиновского Комиссия очень близко подошла к святой святых – к вождю пролетариата и его супруге. Во-первых, самому Владимиру Ильичу пришлось давать Комиссии свидетельские показания. А во-вторых, в поле зрения следствия попала и отложились в материалах дела переписка Н.К. Крупской с Малиновским²³. О ее контактах с provokatorom откровенно поведал и сам Ленин: «За организационными связями и делами Малиновского больше следила моя жена, бывшая секретарем ЦК в течение долгого ряда лет»²⁴.

Но как раз в том, что ЧСК приступила к скрупулезному и беспристрастному расследованию системы provokatsii в России и, в частности, дела Малиновского, по мнению А.Я. Авреха, заключался «контрреволюционный» расчет. Далее, если следовать его логике, оказывалось, что подобный расчет был обречен и несостоятелен. Отсюда видно, что вина Муравьева и ЧСК, по мнению советского историка, была уже в том, что они нарушили это табу и стали «раскручивать» и эту запретную криминальную тему, и ряд других. Также нельзя согласиться и с мнением, высказанным еще в 20-е годы о том, что в работе ЧСК «юриспруденция <...> непосредственно подчинялась политике», а допросы по делу provokatora велись так, чтобы «зацепившись за Малиновского потянуть нити от департамента полиции ко всей партии большевиков»²⁵. Боязнь большевиков запятнать свою «честь» связями с охранкой, конечно, объяснима.

Но в данном случае для ЧСК была важна задача разоблачения всей системы provokatsii, организованной Департаментом полиции, а не опорочивание той или иной партийной организации. Тем более что обнажившиеся в июле 1917 г. нити, ведущие от немецкого Генерального штаба к партии большевиков, представляли для их репутации более серьезную опасность, чем связ с отечественной охранкой. Кстати, 10 июля после опубликования в газете «Живое слово» (№ 51) за подписями Г. Алексинского и В. Панкратова статьи о том, что Ленин и большевики – германские шпионы в ЧСК, так же, как и во многих других кругах, поднялся ажиотаж с призывами привлечь предателей к ответственности. «Едва я пришел

во дворец, вся здравомыслящая обывательщина мнений его абorigенов кинулась на меня. Все наперерыв: арестовать большевиков, давно надо было...», – передал настроение Комиссии Блок, но, тут же, отметил и реакцию председателя: «Холодный Муравьев против ареста Ленина и старается ликвидировать спор»²⁶. Подобная позиция Муравьева в очередной раз свидетельствовала о его беспристрастности, объективности и взвешенном подходе даже в этой острой ситуации. Поэтому упрекать его или членов Комиссии в предвзятости к большевикам нет никаких оснований. Право и закон, вопреки мнению «Пролетарской революции», все-таки превалировали в деятельности ЧСК, хотя и подвергались нападкам и слева, и справа.

Впрочем, установленные Комиссией факты позволили ее председателю сделать вывод о том, что такое провокация и кто такой провокатор: «Это снежный накапливающийся ком, это сотрудник, облепленный людьми, из которых нужных оставляли на разводку, – образно представлял Муравьев. – Что же это, как не провокация – проведение сотрудника на верхушку государственной лестницы, или требование, чтобы сотрудник непременно прошел всю революционную иерархию и непременно втерся в центр, и тогда ему, центральному, как видно в деле Малиновского, цена в десять раз дороже – вместо 50 руб. 500 руб. в месяц?»²⁷ Закрывать глаза на это криминальное явление или преуменьшать степень его опасности и аморальности ни председатель Комиссии, ни его коллеги, при всей полемичности взглядов внутри Президиума, посчитали недопустимым.

Говорить о «провале затеи» с расследованием провокаторства также некорректно. Во-первых, это была не «затея», а вполне мотивированная и важная задача ЧСК. Во-вторых, выполнение ее не провалилось, а практически было доведено до конца. Сотрудникам Комиссии оставалось только окончательно сформулировать обвинительные заключения по всем расследованным эпизодам и передать материалы следствия в суд.

Важно отметить, что точка зрения Президиума ЧСК легитимно вписывалась в концепции большинства российских правоведов, которые позиционировали агентов-провокаторов как уголовных преступников. Тем самым, без каких-либо юридических натяжек, ЧСК могла вполне законно квалифицировать провокационную деятельность охранки как уголовно-наказуемое преступление. Но не следует забывать и о специфике «русской действительности того времени, – напоминает Л.В. Жукова, – где провокация извратила саму идею борьбы с революционным движением, сделав эту борьбу такой же преступной, с точки зрения закона, как и само революционное движение»²⁸.

Примечания

- ¹ Падение царского режима: В 7 т. М.; Л., 1925. Т. 3. С. 8.
- ² Там же. Т. 1. С. 77; Т. 2. С. 94–95, 116.
- ³ Там же. Т. 3. С. 270.
- ⁴ Розенталь И.С. Провокатор. Роман Малиновский: судьба и время. М., 1996. С. 17.
- ⁵ Падение царского режима. Т. 5. С. 73.
- ⁶ Розенталь И.С. Указ. соч. С. 18.
- ⁷ Блок А.А. Записные книжки. 1901–1920. М., 1965. С. 344.
- ⁸ См.: Аврех А.Я. Чрезвычайная следственная комиссия Временного правительства: замысел и исполнение // Исторические записки. М., 1990. Т. 118. С. 88–90.
- ⁹ См.: Гейфман А. Три легенды вокруг «дела Азефа» // Николаевский Б. История одного предателя. М., 1991. С. 334–335.
- ¹⁰ ГАРФ. Ф. 1467, оп. 1, д. 38, л. 90.
- ¹¹ Розенталь И.С. Указ. соч. С. 18.
- ¹² Щёголев П.Е. Охранники, агенты, палачи. М., 1922. С. 41–42.
- ¹³ На основании закона об амнистии, принятого Временным правительством, под его действие попадали различные категории государственных служащих, в числе которых оказались и провокаторы охранных отделений.
- ¹⁴ Падение царского режима. Т. 1. С. V.
- ¹⁵ Завадский С.В. На великом изломе. (Отчет гражданина о пережитом в 1916–17 годах) // Архив русской революции: В 22 т. М., 1991. Т. 11. С. 44.
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ Жукова Л.В. Провокация с позиции законности // Вестн. Моск. ун-та. 1996. Сер. 8. № 2. С. 30.
- ¹⁸ См. об этом: Лохвицкий А. Курс русского уголовного права. СПб., 1871; Колоколов Г. О соучастии и преступлении (О соучастии вообще и о подстрекательстве в частности). М., 1881; Фойницкий И.Я. Уголовно-правовая доктрина о соучастии // Юридический вестник. 1891. Янв. С. 5–8; Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Часть общ.: В 2 т. СПб., 1902. Т. 1; Белозриц-Котляревский Л.С. Учебник русского уголовного права. Киев, 1903; Хейфец И.Я. Подстрекательство к преступлению. М., 1914.
- ¹⁹ Хейфец И.Я. Указ. соч. С. 120.
- ²⁰ Завадский С.В. Указ. соч. С. 44.
- ²¹ Там же.
- ²² Аврех А.Я. Указ. соч. С. 90.
- ²³ ГАРФ. Ф. 1467, оп. 1, д. 188, л. 1–13.
- ²⁴ Показания В.И. Ленина Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства // Дело провокатора Малиновского. М., 1992. С. 51.
- ²⁵ Пролетарская революция. 1927, № 1. С. 238, 242.
- ²⁶ Блок А.А. Дневник. М., 1989. С. 228–229.
- ²⁷ Муравьев Н.К. «О работе Чрезвычайной следственной комиссии». Доклад на Первом Всероссийском съезде Рабочих и Солдатских депутатов // Изв. Петроградского Совета Рабочих и Солдатских депутатов. 1917. № 95. 18 июня.
- ²⁸ Жукова Л.В. Указ. соч. С. 37.